

Н. С. Журавлева
**ЧЕЛЯБИНСК ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX СТОЛЕТИЯ
 В МЕМУАРАХ К. Н. ТЕПЛОУХОВА***

doi: 10.30759/1728-9718-2018-2(59)-102-108

УДК 82.091

ББК 84-49

Рассматривается феномен провинции на примере мемуаров К. Н. Теплоухова, в которых центром конструирования картины выступает семья. Этим объясняется — минимум официального дискурса, концентрация на местных событиях, тривиальность сюжетов. При этом акцент на «отставании» от столицы и провинциальной «слабости» остается за пределами самоописания. «Периферийность» показывается как преимущество в периоды социальных катаклизмов. Рутинизация, «изобретение традиций», замедление индивидуального и социального времени выступают для автора способами обрести опору после 1917 г. Пенсия, переезд в деревню, игнорирование СМИ, общение с «бывшим» кругом знакомых — это и многое другое выводит автора за пределы советского пространства. Модус времени раскрывается через признание «нового» ухудшенной версией «старого». В числе прочего этим объясняются многие «зоны умолчания» (новояз, партия, «стройки века»). Лакунами выступает отсутствие в тексте названия СССР (лишь однажды встречается «Сесерия») и упоминаний имени Сталина. Однако фактически то, что остается за рамками описаний, все равно изображается. В этом смысле отражение портрета региона позволяет рассматривать мемуары К. Н. Теплоухова как самописание Челябинска в первой трети XX столетия, а реконструкцию опыта прошлого — как набор собственных языков самоописания.

Ключевые слова: (само)описание, дневники, К. Н. Теплоухов, Челябинск, первая треть XX века

«Понять время значит понять, кто наблюдает время».¹ Это утверждение актуализирует вопрос о понимании исторических периодов через рецепцию идентичности автора. Критерии идентичности общественного сознания определяются тем, кто и как их обозначает. Каждая эпоха предлагает свой специфический набор языков самоописания локусов. Языком самоописания выступает система категорий и концептов, применяемых для описания социального пространства, для фиксации материальной и духовной жизни. Формирование языка самоописания содействует обретению субъектом идентичности, как в пределах своего региона, так и по отношению к центру.

Показательны в этом смысле воспоминания Константина Николаевича Теплоухова (1870–

1942). Он родился в крестьянской семье в селе Кудымкар. Служил акцизным чиновником в Перми и Екатеринбурге. В 1899 г. его перевели в Челябинск, где он занимался «интеллигентным трудом по административно-контрольной части».² Востребованность К. Н. Теплоухова объяснялась нехваткой образованных людей, а также его личными способностями. По воспоминаниям внучки М. В. Пасешник, он увлекался высшей математикой, химией, геологией, был в числе первых челябинских фотографов, печатал рассказы об уральском крае, охоте, рыбалке, заслужив звание «певца городского быта и уральской природы».³ С 1899 г. вел дневники, что отражало стремление к самовоспитанию и самообразованию. К написанию «летописи» семьи Теплоуховых он приступил в 1935 г. Сам автор называл свой труд мемуарами, имея в виду его жанр, но не заголовок.⁴

Структурным элементом опубликованных дневников 1899–1934 гг. выступает событийный год. Есть годы «печальные», есть «с повышенной температурой», есть «будничные».

¹ Антоновский А. Аналитика времени: к трансформации «староевропейской семантики» в самоописаниях социальных систем // Луман Н. Самоописания: общество общества. Кн. 5. М., 2009. С. 316.

Журавлева Нелли Сергеевна — к.и.н., доцент кафедры отечественной и зарубежной истории, Южно-Уральский государственный (национально-исследовательский) университет (г. Челябинск)
 E-mail: zhurnell@mail.ru

* Статья подготовлена по проекту РФФИ № 16-04-00118 «На границе литературы и факта: языки самоописания в периодической печати Урала и Северного Приуралья XIX — первой трети XX века»

² Гуськова А. Б. О жизни К. Н. Теплоухова // Семья и время перемен. Век XIX–XX. Мемуары: 1899–1934 / авт.: К. Н. Теплоухов. М., 2001. С. 638.

³ Гайнуллин М. Ш. Уральский Леонардо да Винчи. Хроники Челябинска вековой давности // Южноуральская панорама. 2015. 13 марта.

⁴ См.: Гуськова А. Б. «Мемуары» К. Н. Теплоухова. К истории создания // Семья и время перемен. С. 626.

Последних — большинство. Фраза «жизнь текла однообразно» является рефреном. В центре повествования — частная жизнь, а не «гранд-события» в России. Преобладают дискретные записи, деловой стиль, есть вкрапления профессионализмов и диалектизмов. Ценности автора отражены косвенно: преимущество сохраняется за практическим опытом. Присущее мемуаристике размещение материала на границе литературы и факта дает перевес скорее в пользу последнего. Это естественно: будучи профессиональным чиновником, К. Н. Теплоухов привык иметь дело с «сухим» документом.

Самоописание нередко приобретает форму эго-документа, маркированного ярко выраженными личными свойствами. В самом широком смысле эго-документы, писал Ж. Прессер, который ввел этот термин в середине 1950-х гг., это «те исторические источники, в которых исследователь сталкивается с “я” — или иногда... “он” — как с одновременно пишущим и присутствующим в тексте субъектом описания».⁵ Эго-тексты есть особая нарративная и языковая практики: их характеристики обусловлены спецификой конкретно-исторического опыта пишущего субъекта, одновременно являющегося и объектом повествования. Как для эго-документов, так и для текстов самоописания важен адресат, он есть центр конструирования картины. А. Б. Гуськова подчеркивала, что дневники К. Н. Теплоухова предназначались для семьи. Действительно, здесь мало официальной риторики и деталей вне пределов региона, многие сюжеты кажутся банальными, напоминая обыденность домашних разговоров. Все это отражает естественное течение памяти в дневнике с минимальной литературной обработкой и самооцензурой.

Будучи акцизным чиновником, К. Н. Теплоухов общался с разными группами населения и в силу особенностей службы, нацеленной на пресечение нелегального винокурения, часто видел изнанку человеческой жизни. После самоописания повседневности второй по значимости темой в дневниках является его профессиональная деятельность, через оптику которой автор осуществляет конструирование социальной реальности. У читателей может сложиться впечатление, что главной статьей дохода Челя-

бинска начала XX в. была продажа алкоголя. «Относительно водки было вообще свободно. Хотя водка стоила пустяк — 40 копеек за бутылку, но ее покупали редко, — имелось много ректификата высшего сорта»,⁶ — писал К. Н. Теплоухов. За пределами текста оказался статус города как крупного железнодорожного узла с развитой торгово-промышленной жизнью. О торговле хлебом как об основной отрасли, достигавшей десятков миллионов пудов в год, нет ни слова. Даже возведение Народного дома в 1903 г. — уникального каменного сооружения в окружении деревянных построек, ставшего центром общественной и культурной жизни города, — упоминается в контексте отвлечения людей от пьянства посредством спектаклей.

«Избирательность» мемуариста особо прослеживается в рецепции пограничных ситуаций. Так, в годы Русско-японской войны Челябинск оказался узловым центром по переброске войск на восток, возросла торговля в винных лавках. За скобки вынесено обращение к патриотическому дискурсу, актуализированному после поражения России. Зато негативным последствиям войны уделяется много внимания. Демобилизация усугубила кризис, проявлением которого стали пробки на железной дороге, пьянство солдат, скандалы и даже убийства. Потрясением для автора стала смерть коллеги и кучера, которые отправились в дальний район за выручкой. Генерал-губернатор хотел пресечь деятельность винных лавок, но передумал, узнав о доходах около 2 млн руб. в год. В начале Первой мировой войны их все-таки закрыли, что для автора, наряду с мобилизацией, инфляцией, потоком беженцев, стало атрибутом разрушения естественного хода жизни. Акцизные чиновники остались без работы. Правда это длилось недолго: вскоре возобновилась тайная выделка алкоголя, борьба с которой стала бесполезной. К. Н. Теплоухов пишет: «Бражка начала надоедать, захотелось покрепче — начали гнать самогонку».⁷ В хаосе, вызванном 1917 г., подпольное винокурение достигает апогея. Стоя у последней черты, местные жители перестают бояться наказания. Автор все чаще упоминает о столкновениях с людьми, которые открыто варили алкоголь.

Пространственные представления как следствие человеческой деятельности на профессиональном и бытовом уровнях формируют

⁵ Цит. по: Суржикова Н. В. История Урала в эго-документах (XVIII — середина XX вв.): к характеристике перспективного исследования // Историко-педагогические чтения. 2013. № 17. С. 576.

⁶ Семья и время перемен. С. 61.

⁷ Там же. С. 192.

историко-культурный образ места. Первое впечатление автора от Челябинска — «неуклюжее, грязное село». О его городском статусе говорит наличие присутственных мест и тюрьмы. «Зоной умолчания» в дневниках выступает архитектурный облик пространства как следствие «визуальной стертости» многих провинциальных городов. Каждое лето семья Теплоуховых проводит на озерах. Мир кажется маленьким — город и пригород — в силу традиционного миропонимания и неразвитости транспорта. По сути, Челябинск представлен городом минимальной мобильности: его население редко меняет место жительства, работы, отдыха.

Между тем городские места конфигурируют способы поведения людей, мышление, организацию жизни, являясь источником для социального конструирования реальности. В этом смысле образ жизни Теплоуховых мало отличается от деревенского, за исключением службы отца и посещения детьми училища. Они держат коров и куриц, работают в огороде. Глава семьи в свободное время шьет обувь, столярничает. Трудовые навыки, как и приусадебное хозяйство, станут подспорьем в годы дефицита первых десятилетий советской власти. Способность противостоять катаклизмам, помимо прочего, станет следствием строгих правил и ценностей этой семьи, таких как ведение и экономия домашнего хозяйства, взаимная поддержка, воспитание трудолюбия и стремления к знаниям, любовь к природе и животным, физическая закалка. Полуурбанистический-полудеревенский образ жизни давал преимущества по сравнению с проживанием в крупных городах, особенно в периоды социальных катастроф. Характерный для самоописания пространства дискурс взаимодействия столиц с регионами в мемуарах К. Н. Теплоухова лишен акцента на «отставание» от центра и на провинциальную «слабость» Челябинска. Наоборот, в 1917 г. отмечалось, что жизнь в Петрограде осложнена дефицитом продуктов и топлива.

Город как локальное образование для К. Н. Теплоухова расширяется за счет окрестностей, он воспринимает пространство через природу. Самописание автора и его окружения на фоне пейзажа лидирует в тексте. Для автора природа воплощает смысл Родины, неотделимой от его внутренней сущности. Уроженец Перми, он просто переехал из одной части Урала в другую, более южную, сохранив свою «уральскость». Охота стала настоящей страстью автора, он приобщил к ней даже до-

черей. В некотором смысле посредством охоты определяется идентичность мемуариста. Почти все его знакомые охотились, со многими чиновниками он находил общий язык благодаря этому увлечению, а также благодаря игре в карты, в частности в винт, — основным атрибутам общественной жизни, по замечанию автора. В числе прочего, это маркировало Челябинск как город с «невысоким уровнем событий». Но все же модернизация приводит к зарождению элементов гражданского самосознания в уездном городке. Автор показывает, что включение индивида в социум происходит медленно, посредством структур, поначалу ставивших сугубо прагматические цели (касса взаимопомощи и пр.). Между тем с началом Первой мировой войны общественная жизнь прекращается вообще. Ее развитие в советский период остается в сфере умолчания.

Пробуждение от социальной «спячки» связывается с выборами в Городскую думу. Сравнивая агитацию партий с рекламой коммивояжеров, К. Н. Теплоухов рассматривает цели политических программ через оптику торговли: «Кадеты настойчиво обещали построить не лавочку, а магазин по последнему слову науки. Социалисты — разных наименований — захлебываясь, с пеной у рта обещали что-то неопределенное, но так же прекрасное, огромное, блестящее, что трудно объяснить... — “будет все, и все — бесплатно!”»⁸ Сам же автор, скорее всего, придерживался правых взглядов, хотя нет прямых свидетельств его монархизма. Либералов К. Н. Теплоухов точно не поддерживал: «Чиновников либералы трогать не смели, и вся их созидательная деятельность обрушилась на Городскую думу и А. Ф. Бейвеля».⁹ Из-за критики А. Ф. Бейвеля — друга К. Н. Теплоухова — в газете «Челябинский листок» «досталось» единственному литератору Челябинска А. Г. Туркину, который был назван в дневнике «очень ограниченным, безнадежным пьяницей». Дядя писателя, В. П. Туркин, как один из основных оппонентов К. Н. Теплоухова в Гордуме также подвергается насмешкам: «Его родной брат — ученик шестого класса гимназии — заразился сифилисом, пришел в такое отчаяние, что застрелился. Туркины устроили торжественные похороны, на которых В. П. Туркин сказал пышную — либеральную — речь, начинавшуюся словами: “Перед

⁸ Там же. С. 78.

⁹ Там же. С. 77.

нами еще одна жертва нынешней школы, нынешнего режима...»¹⁰

Апробация нового способа борьбы либералов с существующим строем в 1905 г. имела следствием инцидент 9 января. «Не желая рисковать собственной шкурой», столичные либералы убедили рабочих предъявить свои требования царю. В этом мемуарист видит причину «Кровавого воскресенья» (автор именует его «расстрелом рабочих», что противоречит советскому дискурсу). Раздумывая об этой трагедии позднее, К. Н. Теплоухов резюмирует, что с каждым годом она «раскрашивалась новыми цветами, фантазией, [событие] обогащалось высосанными из пальца подробностями, украшалось пышными фразами и словами и, наконец, превратилось в крупное историческое событие, имеющее мало сходства с действительностью».¹¹ Однако, судя по тексту, тогда, в 1905 г., автора больше затронуло разрушение повседневности. Из-за перегруженности железной дороги Теплоуховы, пожалуй, единственный раз провели лето в городе и стали свидетелями еврейских погромов, забастовок рабочих, грабежей. При этом автор не воспринимает беспорядки как революцию, это определение ни разу не возникает при обзоре событий 1905–1907 гг. Хаос воспринимается К. Н. Теплоуховым как следствие Русско-японской войны, потому серьезные разрушения фиксируются в 1905 г.

Начало реальным затруднениям положил 1917 г. И хотя год начинается для автора «мирно и спокойно», он называет это затишьем перед бурей. Если Петроград и крупные города захлестнули демонстрации, то в Челябинске подобных «выступлений» не наблюдалось: «все занимались своими делами». Настоящий кризис для К. Н. Теплоухова проявится в дефиците свежей прессы. Город накрывает волна особо свойственных провинции слухов: «Европейская Россия оказалась terra incognita».¹² Начинается преобладание в дневниках «внутренних» событий — семейных и городских. Эта тенденция продолжится и позднее. Исчезнут упоминания о чтении периодики, и самописание будет осуществляться через призму отношений К. Н. Теплоухова с близким окружением. Дезориентация в советском пространстве поначалу будет приводить к казусам. К примеру, 7 ноября 1920 г. он с удивлением

отметит: «Сегодня какой-то праздник, ходят с красными флагами».¹³

После установления советской власти в Челябинске в 1919 г. «обыкновенная жизнь» многих горожан резко меняется. Поиск работы дается с трудом. Так, К. Н. Теплоухов до выхода на пенсию сменил более двадцати мест службы, часто увольняясь из-за роста бюрократизма, невежества, халатности. «На службе обычная бестолочь и пускание пыли...»¹⁴ — пишет он. Однако инфляция и голод 1921–1922 гг. отодвигают профессиональные амбиции на второй план. Указания на ассортимент и цены товаров будут встречаться все чаще, обрастая деталями. «Из всех свобод, обещанных новой властью, пока была дана только одна — умереть с голода»,¹⁵ — это обстоятельство, по мнению автора, превращает убийство из-за куска хлеба, как и грабежи, в привычное явление. Он вспоминает о вывешенном за рекой объявлении бандитов: «До 9 часов — ваше, а после — наше».¹⁶ Спасение приходит летом, в селе Миассово, где поспевают урожай. Из-за воров всем приходится с ружьем караулить по ночам огород, в том числе женщинам. Дневники отмечают, что для выживания они трудятся наравне с мужчинами, т. е. происходит их вынужденная эмансипация. Так, жена К. Н. Теплоухова впервые устраивается на работу на кухню «офицерского дома».

Дешифруя «сообщения» мемуариста, можно предположить, что 1922 г. вошел в его память как самый тяжелый период. Это подтверждает и число страниц текста, почти в два раза превышающее их среднее количество в каждой главе. Увеличение нарратива отличало и другие переломные годы (1905, 1917, 1919). Показательно, что после пережитого дневники отразили верхнюю шкалу потребностей автора (вкусная еда, алкоголь, общение с близкими). Такие «банкеты» он называет наградой после «бесцветной» службы. Каждый вечер — игра в винт как возвращение к «счастливому» прошлому. По мнению Э. Хобсбаума, посредством «изобретения традиций» устанавливается связь с прошлым для легитимации настоящего. Ритуализация выступает в роли соединения с прошлым, которое многократно интерпретируется. В условиях ускоренного развития социума и его быстрой трансформации создаются

¹⁰ Там же. С. 99.

¹¹ Там же. С. 64.

¹² Там же. С. 277.

¹³ Там же. С. 325.

¹⁴ Там же. С. 406.

¹⁵ Там же. С. 292.

¹⁶ Там же. С. 341.

новые традиции, но с опорой на старые модели.¹⁷ Даже на пенсии К. Н. Теплоухов рано просыпается, много мастерит: «опривычивание» становится способом обрести опору.

Кажется, будто в советский период для автора происходит замедление личного и социального времени. Смерть жены и выход на пенсию сделают эти процессы необратимыми. Для К. Н. Теплоухова модус времени не маркируется как условие возможности изменения. «Новое» часто представляется ему ухудшенной версией «старого». В частности, после визита в цирк он записывает: «Нумера те же, что я видал в детстве в Екатеринбурге, но обстановка серая — прислуга в темных блузах, а раньше — яркий шелк всех цветов, клоуны более “демократичны”».¹⁸ Но не только возрастом, консерватизмом, субъективизмом определяется сознание автора. Прошлое и будущее зависят от настоящего, от угла зрения, настроений и ожиданий в момент самоописания. Вопреки атмосфере 1930-х гг., где более реальной субстанцией подчас выступало будущее, К. Н. Теплоухову было приятно возвращаться «назад». Автор все чаще упоминает о том, что домашние ходили в театр или в кино, отмечая ускоренный ритм жизни, сам же вечерами перечитывает дореволюционные журналы по домоводству. Показательно, что он путается в названиях: указывает то Петербург, то Петроград, милицию продолжает именовать полицией. Не причисляя себя к «бывшим», он старается избегать советского, пытаясь спрятаться в «домике», фундаментированном дореволюционными ценностями, из окна которого иногда выглядывает, чтобы убедиться в своей правоте. Переезд в село Миассово становится некой формой эскапизма. Символично, что здесь отсутствуют часы. Во многом город олицетворяет ранее не известный государственный порядок, который для автора воплощает, скорее, хаос. «В Челябинске “свирепствуют” субботники, — беспощадно гоняют всех на кирпичные сараи, на Челябстрой, в совхозы».¹⁹ Городской дом К. Н. Теплоухова набит жильцами. «Живут точно в плохих меблированных комнатах. Определенных часов для обеда нет»,²⁰ общая кухня, грязь, беспорядок, — эти и другие мелочи воплощают «конец эпохи», связанный, в частно-

сти, с непрофессионализмом. В годы нэпа то, что он раньше писал о деревенских («бестолочь ужасная, — совсем другой мир»²¹), докатилось и до городов. В тексте сквозит сарказм в адрес тех, кто упрекает в своих бедах кого-то другого. Например, он пишет, что о причинах отключения электричества по вечерам «Ращупкин — заведующий станицей — говорил, что виноваты белые: работающие на станции машины уже износились, а белые не позаботились оставить нового комплекта машин для нас».²²

Таким образом, «говорение о себе» Теплоухова выступает самопрезентацией времени, картины быта и бытия человека, живущего в нем. Дневники демонстрируют разные по структуре локальные образования, где, наряду с городом и страной, центральным модусом выступает семья. Будничность как основа социальной реальности автора проявляется в регулярном указании цен на продукты и в записях, вроде этой, 1904 г.: «15 июля был убит министр внутренних дел Плеве. Год был очень дождливый».²³ В самоопределении автора системообразующим элементом выступает неравнодушие к окружающему миру, выходя за пределы частного пространства. Многие сюжеты отождествляют его с хозяином, обеспокоенным благополучием региона, заявляющим о претензии на «свою» территорию, которую он готов оберегать. В этом смысле социальное пространство как соотношение личного и общего маркировалось в пользу последнего.

Противоположная тенденция станет доминировать в советскую эпоху, репрезентация которой станет главной «зоной умолчания» мемуаров. Лаконизм, бесстрастность, «незамечание» причинно-следственных связей между метаморфозами всех сфер и сменой власти, игнорирование медиапространства демонстрировали выключенность автора из «нового» социального поля и даже времени. К примеру, о стройках первых пятилеток К. Н. Теплоухов упоминает в контексте видоизменения привычной перспективы: мол, трактора испортили дорогу в Челябинск. Советский новояз им выносится за скобки, а если и мелькает, то неизменно в сатирическом ключе («Сесерия», «Ракапе»). В дневниках сохранилась дореволюционная лексика, как будто незыблемость языка становится убежищем автора. Поразительными лакунами становится отсутствие

¹⁷ См.: Hobsbawm E. Introduction: Inventing Traditions // The Invention of Tradition. Cambridge, 2000. P. 1–14.

¹⁸ Семья и время перемен. С. 497.

¹⁹ Там же. С. 466.

²⁰ Там же. С. 473.

²¹ Там же. С. 318.

²² Там же. С. 403.

²³ Там же. С. 59.

упоминаний СССР и даже имени Сталина. Однако фактически то, что остается за рамками описаний, все равно изображается, «упаковывая» прошлое в текст.

Всякое описание выступает преимущественно как современное. Время определяет и предмет интереса. В этом смысле автор продолжает жить в системе координат минувшего. Десятилетиями ничего не меняется, в том числе и дневниковая активность, что объясняется стремлением дать вариант рационализации своего места в окружающем пространстве. Свойственный многим эго-документам повышенный градус рефлексии со стороны исследователя не присущ К. Н. Теплоухову: в дневниках идет сухая констатация фактов. Особенно это свойственно записям начиная со второй половины 1920-х гг. Автор изредка комментирует события прошлого через оптику 1930-х гг. для сравнения жизни «прежде» и «теперь». Однако такая «изоляция» автора не стала спасением от тотальной советизации, что отражают, в частности, разногласия автора со своими детьми, не исчерпывающиеся только поколенческим конфликтом. Вовлечение младших Теплоуховых в советское пространство превращало их в трансляторов официальной риторики.

В дневниках К. Н. Теплоухова катастрофичность исторической эпохи передается через будничность обычного человека в «необычных» условиях. Показано, что провинциальный опыт выживания значительно отличается от практик жителей столиц в силу удаленности от центра, скудости информации, особой социокультурной и политической ситуации. При воссоздании К. Н. Теплоуховым стратегий выживания совсем не звучит мотив «геройства повседневности». Обращение к этому конкретному случаю подтверждает, что частное существование важнее социальных катаклизмов. Его воспоминания выступают источником для изучения восприятия, поведения, эмоций, опыта людей определенного времени

и пространства. В этом смысле самоотражение портрета региона позволяет рассматривать мемуары К. Н. Теплоухова как попытку авторского самоописания Челябинска в первой трети XX столетия. Самоописание выступает неким образом, а автор — конструктором социальной реальности, выразителем языка самоописания, который он сам и рефлектирует. П. Бергер и Т. Лукман высказали гипотезу о том, что человеческая реальность — это реальность социально конструируемая: настоящее, как и прошлое, сочетает объективную и субъективную реальности, существующие в сознании человека.²⁴ В этом смысле дневники К. Н. Теплоухова подтверждают один из ключевых тезисов данной концепции: среди множества реальностей существует одна, наиболее существенная, — реальность повседневной жизни. Социальное конструирование такой реальности состоит в ее почти автоматическом воспроизводстве через традицию, память, через передаваемые из поколения в поколение знания и представления.

Самоописание осуществляет также централизацию и иерархизацию семиотического пространства, позволяя прочерчивать границы между пространством внутренним (описываемым как способное быть описанным) и внешним (неописываемым). Текст самоописания уездного городка у К. Н. Теплоухова наполнен спокойствием и величавостью, лишен представления о малозначимости в пространстве страны Урала вообще и Челябинска в частности. Итоговая картина преодолевает привычные дихотомии «центр — периферия». Петербург признается интеллектуальным центром, предлагавшим некие «нормативы», однако стремление к столичности совсем не проявляется. Москва, напротив, ничем не привлекает автора: новая советская столица концентрирует перемены к худшему. Между тем для автора существующий социальный порядок представляется естественным, даже если ему и не все нравится, ведь для него он является единственно возможным.

Nelli S. Zhuravleva

Candidate of Historical Sciences, South Ural State University (Russia, Chelyabinsk)

E-mail: zhurnell@mail.ru

²⁴ См.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. С. 245, 247–251, 301.

CHELYABINSK OF THE FIRST THIRD OF THE 20TH CENTURY
IN THE MEMOIRS OF K. N. TEPLOUKHOV

A case study of a province phenomenon based on the memoirs by K. N. Teploukhov where the general picture was built around a story of one family. This explained the minimum of the official discourse, the concentration on local events, the triviality of individual stories. However the emphasis on “lagging behind” the capital and the provincial “weakness” was left outside the self-description text. The “periphery” quality was shown as an advantage during the periods of social cataclysms. The routinization, “invention of traditions”, the slowing down of the individual and the social time were for the author a means to gain ground under his feet after 1917. Retirement, a move to the countryside, ignoring the media, restricting contacts by the “former” acquaintances group — all this among other things helped the author in escaping the Soviet environment. The time modus was shown via perception of the “new” as an impaired version of the “old”. This *inter alia* explained many of the “reticence zones” (Newspeak, the party, “epochal construction projects”). Obvious gaps in the text were formed by the absence of any mention of the USSR (only once there was a reference to a “Seseria”) or the name of Stalin. However, what was left outside the narrative was nonetheless described. In that sense the reproduction of the region's portrait in the K. N. Teploukhov's memoirs may be seen as the self-description of Chelyabinsk of the first third of the 20th century, and the reconstruction of the past life as a set of individual self-description languages.

Keywords: (*self*) description, diaries, K. N. Teploukhov, Chelyabinsk, the first third of the 20th century

REFERENCES

- Antonovskiy A. [Analytic of time: to the transformation of “old European semantics” in self-descriptions of social systems]. *Luman N. Samoopisaniya: obshchestvo obshchestva* [Luman N. self-descriptions: society of society]. Moscow: Logos-Gnozis Publ., 2009, book 5, pp. 303–318. (in Russ.).
- Berger P., Lukman T. *Sotsial'noye konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge]. Moscow: Medium Publ., 1995, 323 p. (in Russ.).
- Gaynullin M. Sh. [The Urals Leonardo da Vinci. Chronicles of Chelyabinsk century ago]. *Yuzhnoural'skaya panorama* [South Urals Panorama], 2015, Mar. 13. (in Russ.).
- Gus'kova A. B. [“Memoirs” of K. N. Teploukhov. To the history of creation]. *Teploukhov K. N. Memuary: 1899–1934* [Teploukhov K. N. Memoirs: 1899–1934]. Moscow: List New Publ., 2001, pp. 626–630. (in Russ.).
- Gus'kova A. B. [About the life of K. N. Teploukhov]. *Teploukhov K. N. Memuary: 1899–1934* [Teploukhov K. N. Memoirs: 1899–1934]. Moscow: List New Publ., 2001, pp. 638–640. (in Russ.).
- Hobsbawm E. Introduction: Inventing Traditions. *The Invention of Tradition*. Cambridge: University Press Publ., 2000, pp. 1–14. (in English).
- Surzhikova N. V. [History of the Urals in ego-documents (18th — middle 20th centuries.): to the characterization of perspective research]. *Istoriko-pedagogicheskiye chteniya* [History of Education Journal], 2013, no. 17, pp. 575–585. (in Russ.).